

A NEW LOOK

Опера любит и воспевает крайности. Любовь и ненависть, взлеты и падения, жизнь и смерть – все здесь должно звучать на пределе. Посреди этого буйства чувств темное сопрано Марии Мудряк звучит как глоток свежего воздуха. Услышать его можно будет уже этой осенью в Astana Opera, где Мария исполнит партию Мими в «Богеме» Пуччини. Tatler поговорил с певицей о смелых трактовках, приватности в Arbnb и искусстве оставаться дивой в любых обстоятельствах. *Текст Юлии Золкиной, фотографии Раффаэле Гроссо*

Новый сезон – где вы его начинаете?

Пока я в Милане, где обычно базируюсь. Я уже вышла из отпуска – в этом году решила позволить себе летний отдых перед новым театральным сезоном, даже пропустила летние фестивали. Весь прошлый сезон работала без перерыва, и теперь и голосу, и психике нужно полностью восстановиться. Обычно мы уходим отдыхать в июне, но уже в августе начинается работа над серьезными проектами. Весь август я посвятила ежедневной работе – в новом сезоне грянет два интересных дебюта, которые нужно подготовить.

В прошлом сезоне вы дебютировали в Китае с новой ролью графини Альмавивы в «Свадьбе Фигаро». Есть ощущение, что культурный центр мира сместился так же, как и экономический, – на восток?

В Азии сейчас просыпается большой интерес к мировой культуре, но ее локомотивом по-прежнему остается Старый Свет. В Китае, к сожалению, не так много театров, но те, что есть, работают на высоком уровне и делают крайне интересные проекты – во многом благодаря тому, что получают большой отклик от публики.

И это учитывая, что китайская опера – совершенно отдельный феномен.

Это нам не мешает. Обычно я получаю ангажемент с театром на конкретную постановку, приезжаю и пою – уже семь раз ездила. Китайская публика меня очень любит, залы и в Пекине, и в Сиане всегда переполнены. Последний раз я выступала там в 2019 году – и когда вернулась в прошлом сезоне со «Свадьбой Фигаро», успех был оглушительный. Некоторые китайские фанаты до сих пор поддерживают со мною связь – они отлично знают спектакль, каждую арию, и максимально участвуют в процессе. Это невероятно приятно.

Как вообще изменился мир на сцене за последнее десятилетие?

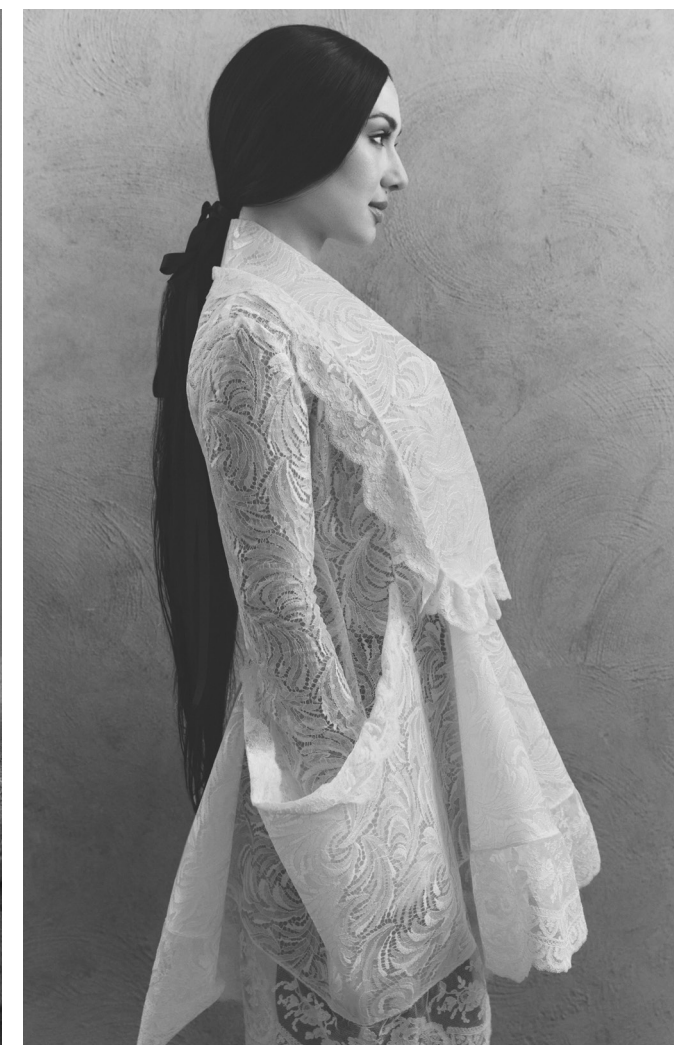
Смотря где и какая постановка. Начнем с того, что душа оперы – это прежде всего красота музыки, которая никогда не устаревает. Это вечно актуальная история – о любви, ненависти, мести. Другое дело, что сегодня публика в разных странах предпочитает разное. Например, итальянцы более консервативны, они верны литературному первоисточнику и хотят видеть постановки в стиле Висконти или Дзеффирелли. В Германии, напротив, дела обстоят иначе – там все более минималистичное, современное, режиссеры допускают достаточно смелые трактовки, они могут и эпоху, и даже сам смысл постановки поменять. О ценности таких решений оперное сообщество спорит годами, и к единому мнению пока не пришли. Сама я в Германии выступаю, но мне пока не попадались суперсовременные постановки, которые бы противоречили моему чувству прекрасного. Мне важно, чтобы в постановке была логика, ум и красота, но не было пошлости. Любопытно, что в Китае ставят достаточно лаконично – в очень, я бы сказала, европейском стиле, ту же «Свадьбу Фигаро» красиво и традиционно ставил испанец Хосе Луис Кастро.

Что скажете о новом поколении оперных композиторов – кто они?

К сожалению или к счастью, я с этим мало знакома. Друзья-композиторы, работающие в жанре современной оперы, говорят, что это невероятно сложная работа – абсолютно все, что можно было сказать, уже сказано в классических пьесах, что-то новое и интересное создать нелегко. Конечно, невероятно красивые современные произведения существуют, но пока к гению Верди, Моцарта, Пуччини никто не приблизился и ничего по-настоящему великого не создал. Тот же Риккардо Мути (итальянский

По часовой стрелке:
Платье, кружевной
жакет, сумка Cigale,
все Dior

«Абсолютно все, что можно
было сказать, уже сказано
в классических пьесах»

По часовой стрелке:
Босоножки, джинсы
и жакет из овчины,
очки, кейп и юбка,
все **Dior**

дирижер, в прошлом – художественный руководитель театра «Ла Скала». – Tatler) пытается найти какие-то свежие ходы, исполняет новые произведения. Но все продолжают надеяться, что однажды появится новый Вагнер или Россини.

А как социальные сети и YouTube влияют на оперную сцену?

Скажем так – к плюсам этого я отнесу популяризацию оперы: она становится более близкой и понятной людям, теперь наш мир можно увидеть изнутри, а не только из зрительного зала или на экране телевизора. Благодаря диджитализации у нас появляется молодая публика – театры всерьез помолодели на YouTube и TheatreHD. Из минусов – в соцсетях кажется, что все певцы одинаковые. А в оперном театре это совсем не так, потому что есть голоса – и голоса. Бывают более «фотогеничные» голоса, они отлично звучат в рилсах, а в театре звучать будут совсем не так красиво. Бывает, что певец совершенно не цепляет тебя в Instagram, а потом ты приходишь в театр – и от его голоса у тебя замирает сердце и бегут мурашки.

Получается, опера остается «живым» жанром? Я, например, люблю упомянутый вами проект TheatreHD – для меня это шанс посмотреть, как Бенедикт Камбербэтч и Джонни Ли Миллер меняются главными ролями во «Франкенштейне» Дэнни Бойла. Насколько опера в таком формате имеет смысл?

О, я тоже люблю эту постановку, ее действительно нужно смотреть дважды! Что касается оперы – записи, конечно же, имеют смысл, но классическая музыка, талантливо исполненная вживую, имеет мало общего с тем, что зритель ощущает через экран или по радио. Это должно быть увидено и прочувствовано воочию – живые инструменты, голоса, энергетика. Современные технологии, конечно, позволяют передавать нашу игру на достаточно высоком уровне. И если режиссер видеоверсии в материале, и при монтаже логика повествования и эмоции сохраняются – это хорошо. Но не равноценно живому исполнению.

Если раньше оперному певцу достаточно было владеть своим голосом и итальянским языком, то сегодня диапазон умений расширился до верховой езды и фехтования. Вы умеете петь лежа или на бегу?

Конечно, чем больше у тебя умений, тем лучше – на минуту не стоит забывать о конкуренции. Меня поражает, как много сегодня хороших певцов и с какой скоростью все развивается и меняется. Вам действительно нужно обладать длинным перечнем качеств и умений, чтобы просто оставаться на сцене. Мои 50-летние коллеги говорят, что оперный мир изменился чуть более чем полностью. Раньше тебе звонили из театра, внимательно интересуясь самочувствием и желанием посетить репетицию – и у вас могло этого желания не быть. Сейчас же это больше напоминает конвейер. Плохо себя чувствуешь, не в голосе, плохо спел – thank you, next. Очень много молодых и готовых выступать за низкие гонорары.

В опере стало гораздо больше бизнеса. И никто не может предсказать, год или полвека продлится карьера – артисты теряют голос, силы, ментальное здоровье из-за перегрузок. При этом певцы – стопроцентные спортсмены. Твоя профессиональная форма зависит от того, насколько регулярно и тщательно ты тренируешься. Иногда это напоминает йогу – ты погружен в материал как артист и одновременно должен владеть своим голосом. Голос – это тело, это физическое здоровье, поэтому оперный певец должен быть крепким и выносливым человеком и с наикрепчайшей психикой. Плюс сегодня недостаточно хорошо петь – ты должен быть красивым и стройным. Поддерживать все это очень сложно. Например, чтобы научиться петь по-настоящему хорошо, нужны десятки лет – этому нельзя научиться за пять лет консерватории. Особенно если у вас в планах пронести свой голос сквозь 30 лет карьеры. Нельзя выучиться единожды и всегда идеально петь. Мы постоянно работаем над собой – в течение сезона я регулярно занимаюсь техникой вокала с педагогами, разбираю с коучами новый материал, да и новые партии нужно готовить и исполнять по-новому. Тут важно

понимать, что я полноценный музыкант, я знаю историю и теорию музыки, владею инструментами и гармонией – этот бэкграунд меня спасает. Но все равно что-то постоянно у себя чиню, настраиваю и улучшаю. Это делает меня счастливой – я готова всю себя, всю свою жизнь посвятить работе.

Вашей карьере 28 лет. Сегодня вы владеете своим голосом в совершенстве?
Конечно, нет. У женщин еще сильно меняется голос в процессе взросления, и нужно внимательно прислушиваться к тому, что организм в данный момент моей карьеры выдает.

А вот Пласидо Доминго, человек, повлиявший, к слову, на вашу карьеру, с возрастом начал петь не только тенором, но и баритоном.
Он физиологически был предрасположен к этому, с рождения имея плотный тенор на грани баритона. Голос с возрастом становится плотнее, кроме того, в процессе работы он тренируется, и можно брать более плотный репертуар. Только у Марии Каллас было немного наоборот, но она в принципе развивалась вопреки любым правилам – начинала как драматическое сопрано, а когда сильно постройнела, ушла в очень высокие партии. Обычно женщина не может из меццо-сопрано уйти в сопрано, но бывают пограничные голоса – их долго не могут определить, и там имеет значение, в каком регистре тебе комфортнее петь – на том карьеру и строишь. Например, у меня широкая глотка и короткие, плотные связки сопрано, изначально мне говорили, что у меня высокое меццо-сопрано, но именно широкая гортань дает мне сегодня мой достаточно темный тембр.

Для вас провести вечер на сцене – это...
...сжечь три килограмма живого веса. В целом я от природы спортивный человек, раньше даже не ходила в спортзал – с детства занималась плаванием, балетом, акробатикой, бальными и спортивными танцами. С тренажерами я познакомилась несколько лет назад – певцу важно получать достаточные кардио- и силовые нагрузки, чтобы быть выносливым. Нужен мощный мышечный корсет, потому что мы поем не горлом, а дыханием. Прибавьте к этому ежедневные тренировки голоса – распевки и дыхательные упражнения.

В работе с новым материалом время для меня исчезает – я погружаюсь в процесс на много часов подряд, изучая технические и драматургические

аспекты роли. Часто на этапе работы с режиссерами я в фазе перехода от бодрствования ко сну начинаю проходить партию от начала до конца – куда идти, что петь, стаккато или легато. Начинаю оперу, засыпаю – затем просыпаюсь на точке, где уснула, и продолжаю.
Режим предполагает и правильное питание, но когда я жалуюсь пианистке, что переела сладкого, она всегда говорит – наедайся сейчас, на гастролях все растеряешь. Есть партии, в которых нужно побольше веса – например, для исполнения Пуччини я два-три килограмма набираю. В более высокой «Травиате», наоборот, теряю килограммы – верха петь проще, когда я более легкая. Поэтому, когда я пою Пуччини, то в антракте ем бургеры!

Сегодня опера стала гораздо дороже, а вот артисты оперы, по слухам, остаются «инди». Это вопрос свободы – или денег? Когда вы, например, в последний раз снимали Airbnb?
Не поверите, но мы так и живем. Раньше певцы были как сейчас футболисты: большие звезды с крупными гонорарами. К сожалению (смеется), сейчас все не так – ритм жизни и работы диктует свои правила, и мы живем жизнью кочевников. У меня дома всегда стоят чемоданы – один разбираю, другой собираю, и так по кругу. Артисты бесконечно много времени проводят в аэропортах. С одной постановки переезжаем на другую и живем исключительно в квартирах Airbnb. За десять лет заработка у артистов серьезно снизились, приходится работать много и быстро – в таком темпе физически не удается сохранять даже намек на приватность богемной жизни. До пандемии у нас была возможность планировать на гораздо более долгие сроки, но сейчас горизонт планирования сузился. У меня есть менеджер, но он занимается только контрактами – ищет мне работу и организует мой календарь.

Как ваш стиль на сцене соотносится с личным стилем? Считается, что эта сфера достаточно купирована для оперных артистов, особенно для сопрано из первой десятки.
Сегодня наша сфера становится все более демократичной. Неожиданно сменить цвет волос или даже побриться наголо – почему нет. Коллеги приходят в театр и в спортивной одежде, но лично я в этом смысле человек старой школы – меня воспитали мои маэстро родом из золотого века оперы. Одному из них 95 лет! Для меня театр – это храм искусства, я стараюсь не позволять себе приходить туда

Кейп, Dior

в джинсах (ладно, приходила, но всего один раз) или шортах. Я совсем не против, если кто-то так одет, но у меня не получается. Понимаю, что у артистов есть жизнь и вне театра, и если им нравится зеленый ирокез – пожалуйста, это личное дело каждого. На постановке режиссер и художник по костюму сделают то, что им нужно – мой повседневный образ, длина волос или даже физическая форма как таковые неважны. А кому-то просто удобно в джинсах – у нас сложная работа, например, часто приходится падать на пол и колени вечно разбиты, это сложно делать в кутюре. Я, например, всегда хожу с короткими нюдовыми ногтями, потому что не могу представить себе свою графиню XVIII века с длинным алым маникюром. Из уважения к театру я никогда такого не сделаю.

К слову, какая деталь костюма помогает вам войти в образ?

Корсет. Для артиста это своеобразный экзоскелет.

Какую роль в вашей жизни играют ювелирные украшения – любите ли вы их, коллекционируете, носите?

Прямо сейчас на мне ожерелье Divas' Dream, подарок от Bvlgari, обожаю его. Периодически удается выступать в украшениях этого бренда – они прекрасны. За сезон я посещаю множество мероприятий – концерты, гала-ужины, банкеты после выступлений, и они требуют определенного дресс-кода. Скажу честно, я не такой уж безумный фанат ювелирных украшений, чтобы носить их каждый день – в постоянных поездках это не всегда безопасно. Но какие-то коллаборации или любимые украшения всегда со мной.

А какие у вас отношения с брендом Dior, в котором вы снимались для кавер-стори Tatler?

О, всегда любила и сам бренд, и силуэт классического диоровского new look. Эпоха Кристиана Диора моя самая любимая, его легендарные платья и приталенные жакеты для меня – идеал женственности. Я бы носила их постоянно, если бы это хорошо вписывалось в ежедневный ритм моей жизни, но пока это остается идеей для образа на особый случай. Современный стиль Dior мне тоже нравится.

Вы часто говорите, что мир оперы дружелюбный.

Я на самом деле так считаю. В начале карьеры, конечно, бывали разные эпизоды, меня даже цветами травили. Но в современном оперном мире там, где я работаю, этого нет. Напротив, с коллегами, с которыми поем один репертуар, общаемся, делимся новостями, уточняем какие-то технические вопросы и стараемся быть в контакте. Наша профессия настолько сложная, что участвовать в конфликтах слишком энергозатратно.

При этом вы находите время на социальные проекты?

Да – например, я очень люблю животных. Даже одну из моих кошек, Симону, мы выбрали где-то на трассе под Карагандой. Мне близка и тема защиты животных – стараюсь заниматься этой проблемой в родной Павлодарской области, в местном приюте для кошек и собак.

Этой весной я также присоединилась к миссии UNICEF в Казахстане. Для меня это большая честь и ответственность – UNICEF уже 80 лет защищает права детей по всему миру. Для меня важно использовать свой голос и внимание аудитории не только в искусстве, но и для поддержки детей, что столкнулись с трудностями. Моя работа сосредоточена на двух ключевых направлениях: инклюзивное образование и молодежные программы, особое внимание я уделяю волонтерству. Для меня важно, чтобы каждый ребенок вне зависимости от своих особенностей имел равный доступ к качественному образованию и поддержке. Это влияет не только на их будущее, но и на то, каким будет наше общество в целом. Моя роль Друга UNICEF – это прежде всего адвокация и привлечение внимания к важным вопросам, и я отдаюсь ей со всей душой.

Какой зритель для вас лучше – подготовленный или неподготовленный?

Я люблю всех своих зрителей. Вся моя профессия – для него, и я вообще не тот артист, который поет просто потому, что ему нравится звук собственного голоса. Мне важна сторона восприятия, и я всегда чувствую людей в зале и их эмоции. Иногда свет на сцене выключается, и я могу увидеть лица людей, их закрытые или полные слез глаза, лица, погруженные в музыку. Это самое главное. Что касается неподготовленной публики – думаю, что даже лучше, когда человек не знает сюжета и языка. Так я могу донести всю историю целиком, и этот челлендж я люблю.

Костюм, **Dior**

Редакция выражает благодарность отелю Portrait Milano за помощь в проведении съемки

ФОТОГРАФ: RAFFAELE GROSSO СТИЛИСТЫ: KORLAN MADI, SALVATORE VIGNOLA СТИЛИСТ ПО ВОЛОСАМ: ANTONIA NINNI
ВЫЖИЖИСТ: SERENA POLI АССИСТЕНТ ФОТОГРАФА: MATTEO TRIOLA ПРОДАКШН: KORLAN MADI